

Представления о времени русских журналисток рубежа XIX–XX вв.

Статья посвящена деконструкции восприятия социокультурного времени русскими журналистками рубежа XIX – XX вв. В частности, в работе охарактеризована «связь времен» в их темпоральных представлениях, выявлены критерии периодизации времени и способы его измерения сотрудниками периодики. Автор приходит к выводу о том, что у журналисток формируется профессиональная организация времени, которая также способствовала его ускорению, в силу специфики журналистской деятельности. Источниковую базу статьи составляют эго-тексты Л.А. Авиловой, Л.Я. Гуревич, М.К. Куприной-Иорданской, А.И. Соколовой, А.В. Тырковой, Э.К. Пименовой, В.Н. Цеховской и О.А. Шапир. Работа написана в рамках проблемного поля культурно-интеллектуальной истории.

Ключевые слова: социокультурное время, темпоральность, русские журналистки, эго-тексты.

Одной из актуальных задач современной исторической науки является «возвращение» людям прошлого собственного «я». Тем самым мы, по мысли К. Кобрин, «рисует контуры себя», «начинаем догадываться о том, кем мы на самом деле являемся»¹. Особенно это важно в отношении женщин, долгое время оставшихся для исследователей «в тени» мужчин. Данная статья посвящена деконструкции восприятия журналистками рубежа XIX – XX вв. социокультурного времени, которое ими по-своему воспринималось и переживалось. Для осуществления вышеуказанной цели мы воспользовались эго-текстами сотрудниц русской периодики². Данный выбор объясняется особым свойством автодокументальных текстов. А.В. Белова справедливо называет их «дисплеем

¹ Кобрин К. Зачем учить историю. URL: <http://gefter.ru/archive/17254> (дата обращения – 22.05.2016).

² Авилова Л.А. Рассказы и воспоминания /Сост. и прим. Н.С. Авиловой; вступ. ст. И.А. Гофф. М., 1984; Гуревич Л.Я. История «Северного Вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 141–159; Куприна-Иорданская М.К. Из воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 167–188; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012; Пименова Э.К. Дни минувшие. М.–Л., 1929; Соколова А.И. Один из литературных могикан // Исторический Вестник. 1912. Т. 130. № 11. С. 667–675; Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007; Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 8. С. 119–151; Шапир О.А. Борец за старые идеалы // Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского. Петроград, 1916. С. 41–47.

женской субъективности»³. Стоит отметить, что изучение картины мира мужчин-журналистов уже началось. Эту проблематику развивают Н.Н. Родигина и Т.А. Сабурова. Ими опубликованы статьи о социальных идентичностях литераторов, а также о времени, пространстве и памяти в мемуарах русских журналистов изучаемого нами времени⁴.

На интерпретацию журналистками этих категорий оказали значительное влияние взгляды интеллигенции, так как сотрудницы периодики входили в данную социальную группу. Поэтому нами востребована монография Т.А. Сабуровой, посвященная характеристике социокультурных представлений русской интеллигенции⁵. Кроме того, важно учитывать тот факт, что в исследуемый период происходило выделение особого профессионального сообщества из среды интеллигенции – журналистов. Поэтому формирование темпоральных представлений данной группы связано с созданием новой профессиональной идентичности. Так, Л. МакРейдольдс, считает, что между журналистами и интеллигенцией существовало своеобразное соперничество за власть над читающей публикой. Это приводило к отказу «газетных журналистов от морализаторства старой интеллигенции в стремлении к утверждению новых ценностей и себя в качестве “новой интеллигенции”, создающей общественное пространство и транслирующей общественное мнение»⁶. Данный процесс наложил свой отпечаток на картину мира журналистов, в том числе на их восприятие времени.

По мнению Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, изменения в мире журналистики служили критерием выделения периода развития страны или жизни героев⁷. Так, для В.Н. Цеховской критерием деления истории Киева на этапы являлась смена ведущих органов периодики Киева – от «Зори» в 1860-х годы до «Киевского слова» в 1880–1890-х годы. Эти печатные издания считались «во многих кругах киевского общества» прогрессивными⁸, а их характеристики за-

³ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. С. 53.

⁴ Родигина Н.Н. Сабурова Т.А. «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX в. // Вестник ОмГУ. 2015. №1. С. 152–155; *Они же*. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // AvtobiografiЯ. 2014. № 3. С. 61–92.

⁵ Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005.

⁶ Цит. по: Родигина Н.Н. Сабурова Т.А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // AvtobiografiЯ. 2014. № 3. С. 73.

⁷ Родигина Н.Н. Сабурова Т.А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // AvtobiografiЯ. 2014. № 3. С. 75.

⁸ Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 8. С. 119.

висели от времени, в которое им довелось издаваться. Распространенной среди журналисток столичных изданий была следующая схема развития периодической печати, яркий пример которой содержится в дневниках А.В. Тырковой: «“Отечественные записки” с их богатым, но огнеопасным грузом, потом “Русское богатство”, бледное благодаря побледневшей эпохе, но безукоризненное и последовательное»⁹.

Можно сказать, что историческая память использовалась журналистками с целью своей идентификации и легитимации. В условиях формирования журналистов как профессиональной группы им было необходимо сконструировать стабильный нарратив своей идентичности. В каждой исторической эпохе они находили «свое отражение», то есть легитимировали свою профессиональную идентичность, показывая, что такими, какие они есть сейчас, они были всегда. С помощью рассказа о прошлом журналистики они легитимировали те функции, которые взяло на себя их профессиональное сообщество.

При изучении темпоральных представлений следует охарактеризовать «связь времен» в сознании сотрудниц периодики. Настоящее, как и прошлое, в эго-источниках журналисток было нацелено на будущее. Они были убеждены в непрерывности прогресса. Так, Л.Я. Гуревич писала: «Жизнь, несмотря на все, что творится в ней страшного и уродливого, по-прежнему, как в самые молодые годы, кажется мне величественным полетом к неизвестной человеку цели»¹⁰. Все «неслись вперед» к осуществлению своих идеалов. Этим объясняется и произошедшее ускорение темпа времени, потому как «культура, направленная в будущее, стремится быстрее придти к нему, подгоняет время»¹¹. В такой системе ценностей отклонение от заданной траектории пути или возвращение назад порождало болезненную реакцию. Более того, всякое бережное отношение к прошлому вызывало отпор, а попытка отдать ему дань портила отношение к литератору, осмелившемуся на это. Любое отклонение от желаемой траектории движения истории рассматривалось как нечто временное, что вскоре пройдет, и все вернется на «правильный» путь развития. Даже воспоминания о «великом былом» воспринимались с явным скептицизмом. Характерны в данном случае следующие строки из дневников А.В. Тырковой: «Воспоминания о 60-х годах пестрили все речи, все приветствия. Положим, то делается у нас всегда на мало-мальски либеральных собраниях. Мы, как старая женщина, которая не может забыть своей молодой привлекательности, вечно твердим об этой молодой поре ранней юности нашего сознания. И в этих розовых воспоминаниях часто

⁹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 51.

¹⁰ Гуревич Л.Я. История «Северного Вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 159.

¹¹ Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005. С. 111.

чувствуется что-то жалкое, бессильное»¹². Интересно, что в дневниках женщины, подобная ситуация принимает «гендерное измерение».

Критерием периодизации истории России в мемуарах журналисток выступают смена отношений власти и общества, а главное – изменение статуса прессы. О.А. Шапир таким образом характеризует обстоятельства деятельности Г.К. Градовского в 80-е годы XIX в.: «В быстро разливающихся волнах реакции, поглотившим все очаги прогрессивной общественной мысли, одним из первых должно было погибнуть “Русское Обозрение”, незадолго лишь основанное Градовским. К моменту моего возвращения в родной Петербург, <...> политическая печать столицы государства Российского сведена была к двум крупным органам: «Новому Времени» А.С. Суворина и «Новостям» О.К. Нотовича»¹³. О.А. Шапир указывает, что с борьбой этих периодических изданий была связана вся дальнейшая работа и даже судьба Г.К. Градовского. Его полемика с «хозяином положения» – «Новым Временем» – часто способствовала травле на это осмеливавшегося журналиста.

Стоит отметить, что в данном случае представления о времени тесно связаны с образом власти у журналисток рубежа XIX–XX вв. Все негативные изменения в положении прессы связывались в их сознании исключительно с деятельностью правительства, с изменением его политики, которая часто ставила периодическую печать в тяжелые условия. Так, Э.К. Пименова, вспоминала, что журнал «Русское богатство» был вынужден оформить в качестве официального редактора некоего Попова, который не принимал участия в деятельности данного печатного издания и даже не жил в Санкт-Петербурге. Более того, все считали его уже давно умершим. Но однажды он объявился. Конечно, его пригласили на день рождения Н.К. Михайловского, неофициального редактора «Русского Богатства». «Он порядочно подвыпил – писала она, – и, вдруг выйдя на середину комнаты, провозгласил тост «за государя императора» и громко запел «Боже царя храни». <...>

– Ай да редактор! – говорили в публике. Тогда Николай Константинович, в страшном волнении, выступил вперед и обратился к присутствующим с горячей речью, указывая на тяжелые ненормальные условия, в которых находится русская прогрессивная печать.

– Вы видите сегодня яркую иллюстрацию этого – сказал он. – Этот господин, поющий «Боже царя храни», редактор «Русского Богатства!»¹⁴.

Вне зависимости от исторических условий, в которых приходилось работать журналисткам, они брали на себя роль борцов с властью за права сограждан и периодической печати. В данном случае был задействован «героиче-

¹² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 51.

¹³ Шапир О.А. Борец за старые идеалы // Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Григория Константиновича Градовского. Петроград, 1916. С. 41.

¹⁴ Пименова Э.К. Дни минувшие. М.-Л., 1929. С. 177.

ский нарратив» коллективной памяти сотрудниц периодики, и поэтому в качестве образца для подражания назывались «герои-прародители» отечественной журналистики, память о которых является важной частью профессионального мифотворчества. Примечательно, что в качестве «героев» выбирались не писатели-классики, а, по большей части, публицисты, презентовавшие себя как литераторы. Память о них выступала также основой идентичности журналистов. Это было, по выражению А.В. Тырковой, «племя могикан»: В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский. Последним из этого «племени» был Н.К. Михайловский, которого Э.К. Пименова уподобляла солнцу. Также в этом плане характерно название некролога, написанного А.И. Соколовой – «Один из литературных могикан»¹⁵. Данные воспоминания посвящены П.И. Кичееву. Автор вписывает его в круг легендарных личностей, внесших значительный вклад в историю журналистики рубежа XIX–XX вв. Подобное мифотворчество поддерживало претензии данной профессиональной группы на высокий статус, и, как всем подобным мифам, им была свойственна стереотипизация. Следствием этого была нетерпимость к каким-либо альтернативам и, тем более, к плюрализму мнений. Это было причиной того непримиримого отношения к любым попыткам ниспровергать устоявшиеся авторитеты. В связи с этим понятно то видимое единство представлений, характерное для эго-текстов журналистов, повествующих об эпохе 1860-х годов.

Однако наиболее распространенным способом периодизации было поколенческое измерение истории. Возможно, это объясняется тем, что концепт «поколение» «становится востребованным, прежде всего, в эпоху перемен, становясь способом осмысления происходящих процессов и событий»¹⁶. Это могли быть как поколения людей всемирной истории и истории России, так и поколения семьи, даже литературные поколения. Для проанализированных эго-текстов характерна как идея разрыва поколений, так и их преемственности. Л.Я. Гуревич воспринимала как нечто естественное, что у А.Я. Волынского с Н.К. Михайловским не выходит создать совместный журнал, потому как они принадлежали к разным поколениям. Кроме того, она наделяла поколение 1880-х годов, воспринимаемое ей как «свое», особыми характеристиками, считая, что они «должны будут чувствовать себя одинокими и должны будут работать за десятерых, чтобы отстоять свою любимую идею»¹⁷. При этом вышеупомянутая журналистка считала, что все ее друзья и сверстники имели подобные взгляды

¹⁵ Соколова А.И. Один из литературных могикан // Исторический Вестник. 1912. Т. 130. № 11. С. 667–675.

¹⁶ Сабурова Т.А. Поколение 1860-х годов и поколенческая идентичность в автобиографической прозе А.В. Амфитеатрова // Современные проблемы науки образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/106-7486> (дата обращения – 11.05.2015).

¹⁷ Гуревич Л.Я. История «Северного Вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 142.

по данному вопросу. Этим она легитимировала свои идеи, придавая им вид «общих». В то же время, при построении схемы литературных поколений Л.Я. Гуревич использует идею прогресса: «на смену двум «индивидуалистическим» поколениям, в значительной части изъеденным рассудочностью, идет новое, свежее литературное поколение, с чутким непосредственным отношением к метафизическим вопросам, с живою, цельною и строгою любовью к искусству»¹⁸.

Не только смена отношений между властью и прессой, не только смена поколений выступали в качестве критерия для перехода от одного периода истории страны к другому. Любопытно в данном случае следующее описание А.В. Тырковой внешнего вида литераторов, приходивших на литературные банкеты: «Бывала на банкетах <...> Е.П. Леткова-Султанова. Высокая, стройная, с живыми темными глазами, с темными, уже припудренными сединой волосами, отлично причесанная, элегантно одетая, она своей нарядной прибранностью выделялась в писательской толпе. На банкеты мужчины приходили, конечно, в пиджаках. Некоторые, как Горький, Арцыбашев, Леонид Андреев, в блузе, толстовке. Дамы не надевали вечерних платьев, да у большинства их и не было. Какая-нибудь кофточка поновее, вот и довольно. Только позже, после японской войны, и в этих кругах передовой, трудящейся интеллигенции женщины стали больше следить за своими нарядами. В лабарданские времена в писательской среде, кроме Летковой и А.М. Коллонтай, еще не было франтих»¹⁹. Из приведенного отрывка воспоминаний следует, что для женщин, работавших в органах периодики, критерием периодизации мог быть и стиль одежды, присущий эпохе. Ведь показной «полумужской» вид, который имели тогда многие женщины из интеллигентской среды, – это тоже мода, тоже дань времени.

Вместе с тем, периодизация истории строилась подчас журналистками на основании смены типов литературных встреч, их характеристик. В литературных вечерах часто находили что-то типичное своему времени. Примером тому служит следующее описание: «Литературный салон А.А. Давыдовой, как и все салоны середины и конца 90-х годов, напоминал Ноев ковчег. Здесь встречались толстовцы, либеральные профессора, представители первых легальных “марксистов”, народники из кружка Н. К. Михайловского <...>, литературная и студенческая молодежь – мои сверстники, а также знакомые Александры Аркадьевны, не принадлежащие к литературному кругу»²⁰.

Интерес представляет то, как и с помощью чего измеряли время журналистки. Одним из таких способов был литературный юбилей – писателя или публициста, периодического издания и даже печати в целом. Как отмечено в статье Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, празднование многочисленных юби-

¹⁸ Там же. С. 159.

¹⁹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 75.

²⁰ Куприна-Иорданская М.К. Из воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 171.

леев актуализировало вопрос о дате собственного литературного рождения²¹. В сборнике Ф.Ф. Фидлера предлагается несколько вариантов отсчета начала литературной деятельности. Это и ранние писательские опыты, и первое написанное и оставшееся в рукописи произведение, и первое отправленное для напечатания произведение, и первое напечатанное произведение (и удовлетворен ли был им автор). Данная тема часто поднималась сотрудниками периодики в их воспоминаниях.

Еще одним способом измерения времени журналистками была хронология работы в разных периодических изданиях. Например, Л.А. Авилова в своих воспоминаниях признавалась, что не помнит того, в какие года она работала в тех или иных органах печати, но помнит последовательность²².

А другая журналистка – Э.К. Пименова, часто упоминает, что она проработала «из книжки в книжку» в журнале «Мир Божий» много лет. Распространенным среди журналисток было членение времени, исходя из изменений в редакции издания, постоянными сотрудницам которого они являлись – будь то смена редактора или приход новых сотрудников, из-за которых поменялась ее атмосфера. Могло измениться отношение читателей или коллег по цеху к родному для журналистки органу печати. Журналистки считали, что у органа печати было свое время жизни, а также ее периоды. Кроме того, сотрудницы периодики часто соотносили свою жизнь с историей «своего» печатного издания, с событиями в литературе и журналистике.

В исследуемый период формируется свое нормирование профессионального времени, зависящее от журнальной специализации сотрудника и времени выхода номера периодического издания. Речь идет об организации работы в редакции или вне ее, сроке сдачи материала. Профессиональный распорядок дня влиял на восприятие течения времени журналистками. Им приходилось многое успевать за очень короткий срок. К тому же, на рубеже веков толстые журналы отдали ведущие позиции газетам²³. Данный период ознаменовался «быстрым ростом количества газет, читать которые начинали все более широкие массы»²⁴. Отличительной особенностью газетного материала была его злободневность, поэтому его нельзя было долго «мариновать». Это накладывало отпечаток на темпоральную организацию работы сотрудника газеты, который должен был

²¹ Родигина Н.Н. Сабурова Т.А. Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // *AvtobiografiЯ*. 2014. № 3. С. 71.

²² Авилова Л.А. Рассказы и воспоминания /Сост. и прим. Н.С. Авиловой; вступ. ст. И.А. Гофф. М., 1984. С. 241.

²³ Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской культуры. М., 2009. С. 53.

²⁴ Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX в. Учебное пособие. М., 2004. URL: <http://evartist.narod.ru/text1/84.htm> (дата обращения – 11.05.2015).

быстро писать, и «чем быстрее, тем похвальнее»²⁵. Данная особенность ускоряла течение времени для сотрудниц периодики.

Таким образом, журналисты использовали память о различных эпохах истории России с целью самоидентификации и легитимации тех функций, которые взяли на себя представители прессы того времени. В представлении сотрудниц периодики история журналистики была неотделима от истории страны. Для того чтобы создать у будущего поколения журналистов образ своей эпохи и ее деятелей, они конструировали устойчивые фигуры памяти. У сотрудниц периодики формировались свои способы измерения и членения времени, характерные для представителей данной профессии. Их временная организация работы способствовала ускорению течения времени. В целом, можно сказать, что для темпоральных представлений журналисток была характерна ориентация на будущее, при отрицании ценности прошлого и настоящего.

Библиография

- Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей* / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. С. 25–67.
- Кобрин К.* Зачем учить историю. URL: <http://gefter.ru/archive/17254> (дата обращения – 22.05.2016).
- Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX в. Учебное пособие. М., 2004. URL: <http://evartist.narod.ru/text1/84.htm> (дата обращения – 11.05.2015).
- Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской культуры. М., 2009. 448 с.
- Родигина Н.Н., Сабурова Т.А.* Время, пространство, память в мемуарах русских журналистов конца XIX – начала XX вв. А.В. Амфитеатрова и В.М. Дорошевича // *AvtobiografiЯ*. 2014. № 3. С. 61–92.
- Родигина Н.Н., Сабурова Т.А.* «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX в. // *Вестник ОмГУ*. 2015. № 1. С. 152–155.
- Сабурова Т.А.* Поколение 1860-х годов и поколенческая идентичность в автобиографической прозе А.В. Амфитеатрова // *Современные проблемы науки образования*. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/106-7486> (дата обращения – 11.05.2015).
- Сабурова Т.А.* Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005. 306 с.

²⁵ *Цеховская В.Н.* Из репортерских воспоминаний // *Голос минувшего*. 1913. № 7. С. 128.